

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, ПИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'373; 001.4

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-459-470

Синергетический подход к изучению устойчивости и подвижности значения слова (на материале полисеманта *красный*)

Галина Ивановна КАНАКИНА, Светлана Владимировна КЕЗИНА ✉

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40

✉ svkezina@gmail.com

Аннотация. Проанализирована семантическая структура полисеманта *красный*. Цель исследования – синергетическое осмысление семантической устойчивости и подвижности многозначного слова. В качестве основных методов лингвистического исследования использованы сопоставительный, аддитивный, сравнительно-исторический, историко-сравнительный и метод компонентного анализа. Проблема устойчивости и подвижности значения слова связана, с одной стороны, со значительным накоплением фактического материала, требующего объяснения, с другой стороны, с недостаточной объяснительной силой традиционных подходов к изучению семантической асимметрии и объективными трудностями реконструкции дописменного состояния семантики слова. Новизна исследования определяется синергетическим подходом к изучению устойчивости и подвижности значения слова, предполагающим рассмотрение семантической асимметрии в синергетической системе. Выявлено, что единство устойчивости и подвижности семантической структуры полисеманта как иерархически организованной системы семем обеспечивает её динамическое равновесие. В процессе эволюции лексемы динамическое равновесие нарушается за счёт гипертрофированного роста означаемых при одном означающем, что ведёт к неустойчивости системы и кардинальным изменениям в ней. Обосновано, что семантическая устойчивость полисеманта *красный* проявляется в сохранении им семемы «красный» и обеспечивается гомеостатичностью и иерархичностью, а семантическая подвижность проявляется, в частности, в актуализации одних сем или семем и в погашении других и детерминруется незамкнутостью, неустойчивостью и нелинейностью многозначного слова как синергетической системы. Сделан вывод о возможности использования результатов исследования для динамического (синхронно-диахронического) описания полисемантических слов.

Ключевые слова: синергетический подход, полисемант *красный*, семантика цвета, семантика оценки, устойчивость и подвижность значения слова, динамическое равновесие

Для цитирования: Канакина Г.И., Кезина С.В. Синергетический подход к изучению устойчивости и подвижности значения слова (на материале полисеманта *красный*) // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 459-470. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-459-470>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Synergistic approach to the study of stability and mobility of the word meaning (on the material of polysemant *red*)

Galina I. KANAKINA, Svetlana V. KEZINA ✉

Penza State University

40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation

✉ svkezina@gmail.com

Abstract. We analyze the semantic structure of the polysemant *red*. The purpose of study is synergistic understanding of semantic stability and mobility of a polysemantic word. The main methods of the linguistic research are comparative, additive, comparative-historical, historical-comparative and method of component analysis. The problem of the stability and mobility of the word meaning is associated, on the one hand, with a significant accumulation of actual material, which requires explanation, on the other hand, with insufficient explanatory power of traditional approaches to study of semantic asymmetry and objective difficulties in reconstructing the preliterate state of a word semantics. The novelty of the study is determined by a synergistic approach to the study of the stability and mobility of the word meaning, which involves considering semantic asymmetry in a synergistic system. It is revealed that the unity of stability and mobility of polysemant semantic structure as a hierarchically organized system of sememes provides its dynamic equilibrium. In the process of lexeme evolution, dynamic equilibrium is disrupted due to hypertrophied growth of the meant with one meaning, that leads to the instability of the system and cardinal changes in it. It is justified that the semantic stability of a polysemant *red* is manifested in its preservation of the sememe “red” and is ensured by homeostaticity and hierarchicity, and the semantical mobility is manifested, in particular, in the actualization of one sememe or some sememes, and in the redemption of others, and is determined by the incompleteness, instability and nonlinear style of a polysemantic word as a synergistic system. We conclude that it is possible to use the results of the study for a dynamic (synchronous-diachronic) description of polysemantic words.

Keywords: synergistic approach, polysemant *red*, colour semantics, evaluation semantics, word meaning stability and mobility, dynamic equilibrium

For citation: Kanakina G.I., Kezina S.V. Sinergeticheskiy podkhod k izucheniyu ustoychivosti i podvizhnosti znacheniya slova (na materiale polisemanta *krasnyy*) [Synergistic approach to the study of stability and mobility of the word meaning (on the material of polysemant *red*)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 459-470. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-459-470> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

«На рубеже XX и XXI веков стало очевидным, что человечество переходит от одной эпохи мышления и деятельности к другой: от «века анализа и синтеза» к «веку систем» [1, с. 151]. Междисциплинарность и трансдисциплинарность разных областей знания детерминировали появление системологии как общеметодологической и метана-

учной дисциплины [2]. Ядром системологии является общая теория систем [3], основные положения которой актуальны для исследователей различных областей человеческой деятельности и научного знания и предназначены «для интеграции, «сжатия» научных знаний, их фундаментализации и создания обобщающих моделей» [1, с. 152-153]. На современном этапе науки активно используется *синергетический тип систем*. Синерге-

тика изучает принципы коэволюции и саморегулирования сложноорганизованных систем разного рода, подчиняющихся единым законам развития. Самоорганизующейся считается система, которая «способна адекватно реагировать на внешние изменения и воздействия, изменяя самостоятельно свои параметры, структуру, функции и тем самым сохраняя себя» [4, с. 319].

Поскольку язык как естественная (ментально-биологическая) знаковая система относится к сложным системам, к нему применимы принципы и методы синергетики. К основным принципам синергетики относятся 1) принципы, обеспечивающие «порядок» системы, её стабильное функционирование: *гомеостатичность* и *иерархичность*; 2) принципы, детерминирующие эволюцию системы, её подвижность: *нелинейность*, *незамкнутость*, *неустойчивость*, *динамическая иерархичность* и *наблюдаемость* [1].

«Лингвосинергетика – не просто новый этап, а активно развиваемая самостоятельная парадигма системной лингвистики, в основе которой лежит подход к языку/речи/дискурсу как динамической саморегулируемой системе» [5, с. 14], «один из методологических подходов к описанию динамического пространства языка» [6, с. 22]. Категориальный аппарат и методы синергетики активно используются при изучении крупных лексических объединений [7–10], дискурса [4; 11], при исследовании новых масс-медийных образований и воспроизводимых единиц языка из прошлого [12], истории языка [6].

Одной из актуальных проблем исторической лексикологии русского языка является проблема устойчивости и подвижности значения слова. В научной традиции существуют различные способы экспликации этого явления, которые не всегда дают ответы на интересующие семасиологов вопросы. Объектом настоящего исследования является план содержания полисеманта – его семантическая структура как иерархически организованная система значений (семем). Предмет научного анализа – устойчивость и подвижность семантики многозначного слова. Цель исследования – синергетическое осмысление семантической устойчивости и подвижности многозначного слова. Для научного анализа использованы сопостави-

тельный, аддитивный, сравнительно-исторический, историко-сравнительный методы и метод компонентного анализа.

АСПЕКТЫ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АСИММЕТРИИ

При изучении устойчивости и подвижности значения слова мы, следуя за Воронежской школой сопоставительных исследований, опираемся на положение о том, что «современная семасиология исходит из многозначности слова (наличия у него разных семем, образующих иерархию) и структурной организации каждого значения (семемы) в форме упорядоченной совокупности отдельных семантических компонентов (сем)» [13, с. 25]. Современная семасиология, как «вся «классическая» семасиология, обращена к рассмотрению изменения значений отдельных слов (или группы слов), смены семем, соотнесённых с одной и той же лексемой» [14, с. 341].

Полисемант неслучайно оказался в центре внимания семасиологов. Он является сложной, динамической, саморегулируемой системой, организованной по синергетическому принципу фрактальности: структура полисеманта повторяет (обнаруживает черты аналогии) структуру лексико-семантической системы языка [15], лексического класса [16]. Следовательно, как и глобальная лексико-семантическая система языка, полисемант обладает всеми свойствами синергетической системы (далее в тексте используем сокращение Л.С. Пихтовниковой – С-система) [4, с. 319]. Рассмотрим основные аспекты системного исследования семантической устойчивости и подвижности полисеманта: их экспликацию, проявления, функции и причины.

Устойчивое и подвижное в семантике многозначного слова в отечественной научной традиции рассматривается как ядерное (центральное, стержневое, стабильное) и периферийное (добавочное, дополнительное, изменчивое). Р.А. Будагов отмечает: «Во всяком многозначимом слове есть обычно *стержневое значение*, вокруг которого как бы группируются добавочные подзначения. Эти добавочные и подчас многочисленные подзначения, очень изменчивые и подвиж-

ные, были бы немислимы без центрального и устойчивого значения слова, от которого они, хотя и откалываются, но которому вместе с тем они обязаны своей жизнью» [17, с. 108]. В структуре полисеманта чётко обозначаются ядерные значения (основные, общеупотребительные, частотные), «в меньшей степени подверженные изменениям» [15, с. 255], и периферийные (дополнительные, технические, профессиональные), наиболее подвижные, отражающие непрерывные изменения в семантике многозначного слова, способного (как всякая открытая система) «откликаться» на любые изменения во внешней среде: в мышлении носителей языка, общей системе языка и предметном мире. При этом «устойчивое в языке не должно пониматься как совершенно неподвижное, а лишь как *более устойчивое* по сравнению с *подвижными* элементами языка, то есть как исторически устойчивое» [17, с. 106].

Выделение ядра и периферии в семантической структуре полисеманта свидетельствует о семантической асимметрии, репрезентирующей единство семантической устойчивости и подвижности. Единство семантической устойчивости и изменчивости «является фактом, необходимо присущим языку» [18, с. 76], «характерным для языка вообще, составляющим его важную специфику» [17, с. 106]. В единстве семантической устойчивости и изменчивости проявляется синергетический принцип гомеостатичности, предполагающий поддержание программы функционирования полисеманта как системы. Кроме того, ядро и периферия семантической структуры полисеманта находятся в чётко выстроенных иерархических отношениях. Гомеостатичность и иерархичность плана содержания полисеманта способствуют его стабильности и упорядоченности как С-системы.

Ядерная (более устойчивая) и периферийная (более подвижная) составляющие полисемантического слова выполняют определённые функции. Ядерное значение формирует структуру полисеманта: «разнообразные переносные смыслы слова... подвижные и изменчивые, развиваются на основе центрального и основного значения, устойчивого и как бы цементирующего все остальные подзначения слова» [17, с. 108]. «Семантиче-

ская устойчивость, чёткость семантических границ и соответствие речевой практики словарным описаниям» [15, с. 254] обеспечивают взаимопонимание носителей языка, а семантическая подвижность обеспечивает его гибкость, «способность наименовать что угодно, передать любую информацию» [18, с. 75]. В.Г. Гак пишет: «Таким образом, если устойчивость семантической стороны языковых единиц обеспечивает взаимопонимание лиц, пользующихся данным языком, то изменчивость их значения обеспечивает выполнение языком его коммуникативной функции» [18, с. 76].

Семантическая структура полисеманта постоянно обновляется. Перечислим основные изменения, происходящие в структуре многозначного слова: семантизация (включение новой семы), десемантизация (утрата семы) и транссемантизация (переход одной семемы в другую путём изменения признаков) [14, с. 357; 19, с. 146]. Языковые факты показывают, что утратой прежней семемы или её элементов (сем), прибавлением новой и переходом одной семемы в другую семантическая подвижность многозначного слова не исчерпывается. Кроме перечисленных изменений, исследователи отмечают «стремление некоторых значений к периферии, к стиранию или утрате мотивации» [15, с. 255] и специализацию значения [16; 17; 19]. Н.Ю. Шведова говорит также о «возрождении» некоторых значений. Анализируя теоретические результаты, полученные в ходе работы над «Русским семантическим словарём» (проанализировано около 300000 словозначений), исследователь так описывает изменения в полисеманте: «Слово постоянно развивается, образует новые значения, всегда при этом сохраняя «спящие», но готовые по-разному напомнить о себе значения старые или устаревшие» [16, с. 7]. Из сказанного следует, что устойчивость и изменчивость семантики слова не могут эксплицироваться только как актуализация (доминантность) одних и погашение (рецессивность) других семем или сем [18; 20]. Процессы семантических преобразований гораздо сложнее.

Причины семантической устойчивости и подвижности полисеманта как С-системы связаны с его самоорганизацией. С-система телеологична, то есть имеет цель существо-

вания, поэтому она, непрерывно взаимодействуя с внешней средой, корректирует всякое влияние извне. «Эта корректировка осуществляется за счёт отрицательных обратных связей, подавляющих любое отклонение в программе поведения, возникшее под действием внешних воздействий среды» [1, с. 163]. Вот почему неотъемлемым свойством плана содержания многозначного слова является семантическая асимметрия, поддерживающая динамическое равновесие полисеманта как С-системы.

Вслед за Н.Ю. Шведовой, мы считаем, что полисемант – «живая, движущаяся и развивающаяся система, в самой себе заключающая потенциал расчленения и обогащения: в границах слова формируются новые семантические единицы, порождаемые самим словом как знаком, обращённым вовне – к реалиям, требующим именования, к другим словам и к связям между ними» [16, с. 7].

УСТОЙЧИВЫЕ И ПОДВИЖНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПОЛИСЕМАНТА *КРАСНЫЙ* В СИНЕРГЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Рассмотрим семантическую устойчивость и изменчивость на примере лексемы *красный*. Материалом для настоящего исследования послужили данные Словаря древнерусского языка XI–XIV веков¹, Словаря русского языка XI–XVII веков², Словаря русского языка XVIII века³, Словаря церковнославянского и русского языка, составленного Императорской Академией наук (1847 г.)⁴ и Словаря современного русского литературного языка (БАС)⁵, составленных на основе письменных источников. Учитывая, что «письменность – важный, но относительно поздний этап, за порогом которого лежит дальнейшее начало многих явлений» [21, с. 5], и

что история лексемы *красный* началась задолго до письменного периода, мы будем исследовать полисемант *красный* в составе диахронического поля (ДП) с использованием результатов внешней и внутренней реконструкции [22]. Как и И.В. Садыкова [23], мы относим слово *красный* к ДП с и.-е. корнем *kēg: kōg и признаём его родство с лексемой *чёрный* [24].

Семантика цвета формировалась за счёт включения в семантическую структуру базисного слова (предполагают, что оно называло огонь, выступающий древнейшим эталоном красного цвета) цветовых семем. Научкой установлено, что хроматические семемы включались в семантическую структуру слова в строго определённой последовательности. Эта последовательность отражена, в частности, в схеме Берлина и Кея, составленной на основе данных разнотемных языков и эксплицированной той или иной стадией развития языка: *белый и чёрный – красный – зелёный и жёлтый – синий – коричневый – розовый, голубой, серый, оранжевый и фиолетовый* [22, с. 229].

Семемы *белый и чёрный, красный, зелёный и жёлтый*, как видим, дополнили семантику базисного слова раньше других, так как были закреплены за важнейшими для жизни человека предметами и явлениями: ранние семемы *белый и чёрный* через звено *светлый – тёмный* восходят к смыслам *свет* и *тьма*; *красный* связана с огнём; *зелёный и жёлтый*, как свидетельствуют языковые факты, одновременно включены в семантическую структуру слова и закреплены научной мыслью за развитием земледелия. Все перечисленные семемы в разное время включались в семантику слова-этимона, способствуя её расширению. В результате была образована синкрета, отличающаяся сложностью, гетерогенностью (одно слово обозначало разные цвета) и невыводимостью одного значения из другого. Всё сказанное подтверждает реконструкция исторической семантики индоевропейского корня *kēg: kōg, к которому восходят лексемы *красный* и *чёрный*: др.-инд. *karaṭas* «тёмно-красный» – др.-инд.

hāri «светлый» – полаб. *cārne* «чёрный» – др.-исл. *harr* «серый, седой» – др.-инд. *hāri(s)* «жёлтый, золотистый, зеленоватый» – лит. *kėršas* «чёрно-белый», «пятнистый» –

¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1991. 559 с.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М.: Наука, 1981. 352 с.

³ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10. Л.: Наука, 1998. 256 с.

⁴ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Императорской Академией наук: в 4 т. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847. 471 с.

⁵ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / гл. ред. В.И. Чернышев. Т. V. Москва; Ленинград: АН СССР, 1956. 1920 с.

др.-прусс. *kirsnan* «чёрный» – польск. *czerny* «красный, золотой», *czarny* «чёрный» – болг. *зачервя се* «покраснеть» – укр. *червоний* «красный», «алый», «багровый» – чеш. морав. *červený* «русый» – болг. *червѣн* «красный», *червенокос* «рыжий» – русск. диал. *жаркóй* «огненный, красно-жёлтый» (уральск.), *черемный* «рыжеволосый» (вятск., пермск., сиб.), *черёмый* «гнедой или бурой масти (о корове)» (забайкальск.), русск. диал. *красный* «рудой, алый, чермный, червлёной, кирпичный, малиновый, огневой и прочих разных оттенков и густоты», польск. *kraśnieć* «пылать, сиять» и т. д. [22, с. 116-123]. Приведённые примеры свидетельствуют о том, что семантика цвета развивается уже в индоевропейский период и все накопленные временем семемы закономерно наследуются языками после распада индоевропейского языка-основы. Заметим, что схема Б. Берлина и П. Кея не отражает семему «пёстрый/пятнистый/многоцветный», последовательно сохранившуюся во всех языках. Эта семема не квалифицируется исследователями как собственно цветовая. Мы, напротив, считаем её самой ранней собственно цветовой семемой. Наше мнение базируется на научных данных о целостном восприятии окружающего мира первобытными людьми как универсальном свойстве отражения, присущим человеку на ранних этапах развития. Древний человек вычленял и называл первоначально не отдельный цвет, а цвет вообще – пятно, пёстроту, многоцветье. Затем постепенно дифференцировал цвета и их оттенки и вносил в семантику слова преобразованные в семемы новые смыслы в соответствии со значимостью для человека предмета, цвет которого номинировался. Вот почему семема «пёстрый» занимает «собственное» место в семантике лексемы *красный*, как и любой другой цветовой лексемы. Кроме цветового локуса (совокупности цветовых семем), в семантической структуре эволюционирующего базисного слова развивается оценочный локус. Оценочная семема древняя, развивалась параллельно (возможно, раньше) с цветовыми и отличалась, во-первых, бинарностью (оценка была положительная и отрицательная), во-вторых, широким диапазоном денотативных областей (оценивалось всё). Бинарная семема «делилась» в истории языка

и множилась, расширяя оценочный локус полисеманта.

Все перечисленные семемы были включены в семантический объём лексемы *красный* уже в дописьменный период, причём часть семем была унаследована от более ранних уровней ДП, часть образовалась в общеславянский период. Количество означающих оставалось прежним, а количество означаемых непрерывно увеличивалось. В процессе эволюции синкрета усложнилась, превратилась в сложную многокомпонентную форму и достигла точки бифуркации – такого неустойчивого, неравновесного состояния, когда старая сложная форма разрушается и система выбирает один из путей дальнейшего развития, который нельзя предсказать с точностью. Древняя синкрета распалась, а её элементы различно актуализировались в языках-когнатах: др.-исл. *harr* «серый, седой» – др.-инд. *hári(s)* «жёлтый, золотистый, зеленоватый» – лит. *kéršas* «чёрно-белый», «пятнистый» и др. Различная актуализация фрагментов древней синкреты после её распада в разных языках репрезентирует «стохастичность – непредсказуемость маршрутов, по которым может эволюционировать система» [1, с. 164].

Синкретичная семантика лексемы *красный*, включающая исторически развитые цветовые и оценочные семемы, претерпела распад ещё до письменного периода, о чём свидетельствуют материалы Словаря древнерусского языка XI–XIV веков. Словарь не отражает цветовую семантику слова, однако отражает избыточную оценочную семантику. Системный подход к осмыслению семантики лексемы *красный* заставляет нас взглянуть на этот факт следующим образом: зафиксированные в Словаре оценочные семемы указывают на их актуальность в данный исторический период, а не на то, что слово *красный* ещё не развило цветового значения, как это принято в научной традиции. Последнее опровергается как результатами представленной реконструкции, так и материалом устного народного творчества, сохранившим семантику цвета. Например, в загадках *красный* отмечено в значениях «цвета огня» (Мать толста, дочь *красна*, сын кудреват, по поднебесью летат (Печь, огонь и дым), *Красный* кочет дыру точит (Огонь) и «разноцвет-

ный» (*Красное* коромысло через реку повисло (Радуга). Возможно, актуальная оценочность, причём избыточная, и послужила основанием для утверждения, что первоначальное, исконное значение лексемы *красный* – «красивый, прекрасный» [25, с. 162].

В Словаре древнерусского языка XI–XIV веков полисемант *красный* зафиксирован в 4-х основных значениях: «красивый, прекрасный» (к. место/лицо/руки и т. д.), «хороший, прекрасный; приятный, милый» (к. милостыня/песнь/жених и т. д.), «богато украшенный, красиво отделанный, разубранный» (к. палаты/дома/стены), «роскошный, пышный, зрелый, цветущий (о растениях, плодах и т. п.)». Ко 2-му и 3-му значениям даны дополнительные: «радостный, приятный, сладостный», «достойный, добродетельный, праведный» и «стройный, благозвучный (о церковном пении); сопровождающийся вокальными украшениями»⁶. Все значения оценочные, причём только положительные. В переносном (метафорическом) значении лексема *красный* употребляется в устойчивом сочетании *врата красная* – о рае. Важно отметить, что основные семемы являются разложимыми на семы и в ряде случаев повторяют их. В целом оценочная семантика неопределённая, но в ней намечается стремление к дифференциации («стройный, благозвучный (о церковном пении); сопровождающийся вокальными украшениями»). Отсутствие цветовой семемы у лексемы *красный* можно объяснить её временным погашением (рецессивностью, имплицитностью), в то время как оценочная семема актуальна (доминантна, эксплицитна). Возможно, слияние цветовой и оценочной семем в ряде случаев и, как следствие, их неразличение привели к тому, что цветное значение оказалось «затемнённым».

Словарь русского языка XI–XVII веков репрезентирует расширение семантики лексемы *красный*. Здесь 7 основных значений: 5 оценочных и 2 цветных. Перечислим оценочные значения: «красивый, прекрасный», «очень хороший, превосходный; дарующий радость, благодатный», «главный, парадный», «высокосортный, наиболее ценный», «выполняющий тонкую, дорогую, требую-

щую искусства работу (о мастерах)». Все семемы разложимые. Последние три мы квалифицируем как дифференцированные, закреплённые за конкретными признаками и денотативными областями. Словарь обнаруживает связь оценочной и цветовой семантики: семема «яркий, выделяющийся цветом, цветной, пёстрый» передаёт оттенок значения «красивый, прекрасный». Кроме оценочных, Словарь фиксирует цветные семемы: «красный (а также бурый, рыжий, карий, коричневатый с красноватым оттенком)» и «крашенный, цветной». Разложимая семема «красный (а также бурый, рыжий, карий, коричневатый с красноватым оттенком)» представлена семой «красный» как доминантной и дополнительными семемами, передающими оттенки преимущественно в границах красного тона. Семы «красный» и «цветной», на наш взгляд, репрезентируют актуализацию «спящих» [16, с. 7] сем или семем, а не появление слова *красный* «в своей новой роли, в качестве цветообозначения» [25, с. 165–166]. Однако «всеобъемлющая» оценочность, актуализированная в русском языке вплоть до XVIII века, настолько слилась с семантикой цвета, что они стали неразличимыми. Н.Б. Бахилина, изучавшая историю цветообозначений на материале памятников письменности, пишет о том, что время первой фиксации лексемы *красный* в качестве цветообозначения «колеблется в довольно обширных пределах почти двух столетий, от XIV до XVI в.» [25, с. 166].

В словарной статье к слову *красный* в Словаре русского языка XI–XVII веков приведено 14 фразеологических единиц (ФЕ) с лексемой *красный* (ФЕ *врата красная*, зафиксированная Словарём XI–XIV веков, здесь не отражена). Анализ ФЕ показал, что оценочная и цветная семантика разграничиваются в десяти случаях (*красная (государева) печать* – государственная печать из красного воска и *красный ряд* – торговый ряд, в котором торгуют дорогим, красным товаром), в четырёх ФЕ цветная и оценочная семантика смешаны (*красный лес* – хвойный строевой лес, а также его древесина как строительный материал, *красная медь* – чистая медь (без примесей).

Словарь русского языка XVIII века фиксирует 4 значения лексемы *красный*. Цвето-

⁶ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1991. 559 с.

вое значение «имеющий окраску одного из основных цветов радуги; цвета крови и близких оттенков» уточняется, в семему включаются семы, репрезентирующие связь лексемы с предметом-эталонном цветоименования – «цвета крови». В семантику слова включены также два оценочных значения: «красивый (о внешнем виде, наружности)» и «превосходный, прекрасный, отличный (как общая характеристика лиц, предметов, свойств, явлений и действий, выделяющая их среди других)». 4-е значение предполагает использование лексемы *красный* в терминологических сочетаниях. Терминологические сочетания формируются в XVIII веке вследствие развития науки: они включают лексему *красный* и даны с пометами ботан., зоол., хим., минер. и др. В словарной статье приведено 54 ФЕ, в которых лексема *красный* примерно одинаково выступает в основных оценочных (26) и цветовых (24) значениях. Среди 54 ФЕ только 5 сохранили связь с ФЕ из Словаря русского языка XI–XVII веков: *красный воск, сургуч; красное золото; красный лес; красная сосна и красный товар*.

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Императорской Академией наук (1847 г.), разграничивает цветовую и оценочную семантику, что выражается в омонимии: фиксируется *красный* с цветовым значением «отражающий один из цветов радуги, подверженный менее прочих преломлению лучей; червлёный, чермный» и *красный* с оценочными семемами: «имеющий весьма правильную и привлекательную наружность; лепый, пригожий, красивый» и «о погоде: ясный, ведренный». К цветовому значению относится 21 ФЕ, включающая лексему *красный* как в цветовом, так и в оценочном значении. 11 ФЕ не являются новыми, они неравномерно представлены на более ранних лингвохронологических уровнях: *к. гриб, к. дерево, к. зверь, к. крыльцо, к. окно, к. слово/слово, к. лес, к. медь, к. рыба, к. строка, к. дичь*. К омониму *красный* относится одна ФЕ: *красные дни* – дни счастливые и благополучные.

Словарь современного русского литературного языка (БАС) не фиксирует омонимию, так как семантика оценки теряет актуальность, и объединяет цветовые и оценочные (с пометой *устар.*) семемы в одной сло-

варной статье. БАС отмечает у *красный* 4 значения: «имеющий окраску одного из основных цветов радуги; цвета крови и его близких оттенков», «относящийся к революционной деятельности; связанный с советским социалистическим строем», «устар. Красивый, прекрасный (обычно как постоянный эпитет)» и «устар. Парадный, почётный». 31 ФЕ к словарной статье включает 10, накопленных веками (сравнение со Словарём 1847 г. показывает утрату ФЕ *красное крыльцо*), из новых отметим наиболее активные: *красные кровяные тельца, Красный крест, красная цена*.

Сравнение семантики лексемы *красный* на 5-ти лингвохронологических уровнях показывает, что она включает два древних локуса – цветовой и оценочный, одинаково восходящих к индоевропейскому периоду, но различно актуализированных на разных этапах истории русского языка. Цветовые и оценочные семемы могли бы развиваться параллельно и стабильно, поддерживая динамическое равновесие плана содержания полисеманта. Но этого не случилось: оценочность (преимущественно положительная) стала актуализироваться, причём на протяжении очень длительного времени. Актуализация проявилась в неоднократно сменяющих друг друга процессах её генерализации (обобщения) и дифференциации (оценки конкретного предмета/признака/явления). Бурный рост, накопление оценочных сем и семем наблюдается с XI по XVIII век. Это выразилось, в частности, в увеличении ФЕ с оценочной семантикой у лексемы *красный*: в период XI–XIV веков – 1 ФЕ, XI–XVII веков – 10 ФЕ (5 с очевидной семантикой оценки, 5 – со смешанной семантикой), XVIII век – 26 ФЕ с основными оценочными значениями и 5 – с оттенками оценочных значений (всего 31 ФЕ). В XIX веке наблюдается резкий спад оценочности, её отграничение от семантики цвета, что выразилось в распаде полисемии и образовании омонимов. В БАС оценочные семемы даются с пометой «устар.», что подтверждает их полное погашение. С очевидной оценочной семантикой *красный* выступает в устойчивых сочетаниях *красная дичь* (лучшая дичь), *красное слово* (остроумное слово, выражение), *красный зверь* (наиболее ценный для охотников) и *красная цена* (са-

мая высокая цена, которую можно дать за что-либо).

ВЫВОДЫ

Анализ материала пяти лингвохронологических уровней в письменный период с опорой на результаты реконструкции семантики *красный* в дописьменный период показал, что семантическая структура полисеманта ведёт начало от индоевропейского периода и репрезентирует смену динамического равновесия кардинальными изменениями. Таких изменений в истории лексемы *красный* было два: распад цветовой синкреты в поздний дописьменный период и, как следствие, закрепление за лексемой *красный* в русском языке значения «красный» и распад полисеманта на омонимы в конце XVIII – начале XIX века, в результате чего семантика оценки была погашена, а семантика цвета актуализирована, и лексема *красный* стала доминантой в группе красного тона. Слияние семантики цвета и оценки в значительном количестве примеров из письменных источников не позволяет точно установить время актуализации семемы «красный».

Таким образом, семантическая структура полисеманта *красный* – динамическая, самоорганизующаяся, открытая система, динамическое равновесие которой поддерживается единством её устойчивости и подвижности. Устойчивость плана содержания полисеман-

та проявляется в сохранении им семемы «красный» с момента её закрепления в русском языке до современного состояния. Эта устойчивость обеспечивается связью с древнейшими предметами-эталоном наименования цвета (огнём и кровью), ядерным характером семемы «красный» в семантическом континууме лексико-семантической группы красного тона и лексемы *красный* в колоративной системе русского языка, а также основной функцией лексемы – называть красный цвет и его оттенки, то есть гомеостатичностью и иерархичностью полисеманта как С-системы.

Подвижность семантики лексемы *красный* проявляется в актуализации одних и погашении других сем и/или семем, в непрерывной генерации и смене сем/седем, обусловленными историко-культурным контекстом (смена религий, развитие науки, культуры, ремёсел и т. п.) и другими факторами, а также в «движении» от ядра к периферии и наоборот, в возрождении «спящих» сем/седем и т. д. Подвижность значения слова детерминируется незамкнутостью и неустойчивостью полисеманта как С-системы, а «маршруты» дальнейшего развития после кардинальных изменений – её нелинейным характером.

Результаты исследования могут быть использованы для динамического (синхронно-диахронического) описания полисемантических слов.

Список источников

1. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М.: Флинта, 2014. 820 с.
2. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики / под ред. Ю.Г. Косарева. М.: Сов. радио, 1978. 368 с.
3. Исследования по общей теории систем: сборник переводов / общ. ред. и вступ. статья В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. 518 с.
4. Синергетика в филологических исследованиях / под общ. ред. Л.С. Пихтовниковой. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2015. 340 с.
5. Барбазюк В.Ю. Возникновение синергетической парадигмы в языкознании // *Lingua mobilis*. 2010. № 6 (25). С. 12-19.
6. Домброван Т.И. История английского языка как объект исследования в диахронической лингвистике // Синергетика в филологических исследованиях / под общ. ред. Л.С. Пихтовниковой. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2015. С. 20-61.
7. Пятаева Н.В. Принципы и методы динамического исследования сложных лексических систем // *Paradigmata poznání*. 2015. № 1. С. 42-48.
8. Пятаева Н.В. Антропоцентрический и синергетический принципы лингвистики в динамическом исследовании лексических гнезд. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 185 с.

9. Богодист В.И. Лингвистическая синергетика и словарный состав современного французского языка // Поволжский педагогический поиск. Филология. 2014. № 3 (9). С. 133-135.
10. Дубинина Н.В., Никифорова Е.Б. Динамические процессы в лексико-семантической группе «Колоративы» // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 2. С. 101-107.
11. Пономаренко Е.В., Паришутин Г.А. Нелинейность как системное свойство функционального пространства английского делового дискурса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 156-160.
12. Шаховский В.И. Синергетика слова в семасиологической семиотике языка // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 5-11.
13. Конопелько И.П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка (из опыта Воронежской школы сопоставительных исследований). Воронеж: Изд-во ООО «Ритм», 2019. 226 с.
14. Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание: 6 Междунар. съезд славистов. М.: Изд-во АН СССР, 1968. С. 339-365.
15. Попова А.Р. Слово-полисемант и лексико-семантическая система: черты изоморфизма // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 7 (75). С. 250-256.
16. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарём» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3-16.
17. Будагов Р.А. К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1951. Т. X. Вып. 2. С. 105-115.
18. Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 73-91.
19. Москович В.А. Из полесской терминологии цветообозначений // Полесье. М.: Наука, 1968. С. 126-161.
20. Маковский М.М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1992. 189 с.
21. Иванов В.В., Трубочёв О.Н. Федот Петрович Филин (1908–1982) // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 3-9.
22. Кезина С.В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект). Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2008. 304 с.
23. Садыкова И.В. Обозначение красного цвета в русском языке в историко-этимологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 21 с.
24. Кезина С.В. «Красное» и «чёрное»: к вопросу о происхождении цветообозначений // Язык в пространстве и времени: тез. и материалы Междунар. науч. конф. Самара: СамГПУ, 2002. Ч. 1. С. 27-32.
25. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.

References

1. Komarova Z.I. *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, Method, Technique and Technology of Scientific Research in Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., 2014, 820 p. (In Russian).
2. Melnikov G.P. *Sistemologiya i yazykovyye aspekty kibernetiki* [Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics]. Moscow, Sovetskoye radio Publ., 1978, 368 p. (In Russian).
3. Sadovskogo V.N., Yudina E.G. (general ed. and introductory art.). *Issledovaniya po obshchey teorii sistem: sbornik perevodov* [Studies in General Systems Theory: Collection of Translations]. Moscow, Progress Publ., 1969, 518 p. (In Russian).
4. Pikhtovnikovoy L.S. (general ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovaniyakh* [Synergetics in Philological Research]. Kharkov, Karazin University Publ., 2015, 340 p. (In Russian).
5. Barbazyuk V.Y. Vozniknoveniye sinergeticheskoy paradigmy v yazykoznanii [The emergence of a synergetic paradigm in linguistics]. *Lingua mobilis*, 2010, no. 6 (25), pp. 12-19. (In Russian).
6. Dombrovan T.I. Istoriya angliyskogo yazyka kak ob'yekt issledovaniya v diakhronicheskoy lingvosinergetike [The history of the English language as an object of study in diachronic linguosynergetics]. *Sinergetika v filologicheskikh issledovaniyakh* [Synergetics in Philological Research]. Kharkov, Karazin University Publ., 2015, pp. 20-61. (In Russian).
7. Pyatayeva N.V. Printsipy i metody dinamicheskogo issledovaniya slozhnykh leksicheskikh sistem [Principles and methods of dynamic research of complex lexical systems]. *Paradigmata Poznani – Paradigms of Knowledge*, 2015, no. 1, pp. 42-48. (In Russian).

8. Pyatayeva N.V. *Antropotsentricheskii i sinergeticheskiy printsipy lingvistiki v dinamicheskom issledovanii leksicheskikh gnezd* [Anthropocentric and Synergetic Principles of Linguistics in the Dynamic Study of Lexical Nests]. Moscow; Berlin, Direct-Media Publ., 2019, 185 p. (In Russian).
9. Bogodist V.I. Lingvisticheskaya sinergetika i slovarnyy sostav sovremennogo frantsuzskogo yazyka [Linguistic synergy and vocabulary of the modern French language]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy poisk. Filologiya – Volga Region Pedagogical Search. Philology*, 2014, no. 3 (9), pp. 133-135. (In Russian).
10. Dubinina N.V., Nikiforova E.B. Dinamicheskiye protsessy v leksiko-semanticheskoy grupe «Kolorativy» [Dynamic processes in lexico-semantic group of “Coloratives”]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva – The Reporter of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 101-107. (In Russian).
11. Ponomarenko E.V., Parshchutina G.A. Nelineynost' kak sistemnoye svoystvo funktsional'nogo prostranstva angliyskogo delovogo diskursa [Non-linearity as systemic property of functional space of business English discourse]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 2018, vol. 24, no 3, pp. 156-160. (In Russian).
12. Shakhovskiy V.I. Sinergetika slova v semasiologicheskoy semiotike yazyka [Synergy of a word in semasiological semiotics of the language]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*, 2015, no. 2, pp. 5-11. (In Russian).
13. Konopelko I.P. *Sopostavitel'nyy analiz v issledovanii i prepodavanii yazyka (iz opyta Voronezhskoy shkoly sopostavitel'nykh issledovaniy)* [Comparative Analysis in Language Research and Teaching (From the Experience of the Voronezh School of Comparative Studies)]. Voronezh, “Ritm” Publ., 2019, 226 p. (In Russian).
14. Tolstoy N.I. Nekotoryye problemy sravnitel'noy slavyanskoy semasiologii [Some problems of comparative Slavic semasiology]. *Slavyanskoye yazykoznanie: 6 Mezhdunarodny s'yezd slavistov* [Slavic Linguistics: 6th International Congress of Slavists]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1968, pp. 339-365. (In Russian).
15. Popova A.R. Slovo-polisemant i leksiko-semanticheskaya sistema: cherty izomorfizma [A polysemantic word and lexical-semantic system: features of isomorphism]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review: Series Humanities*, 2009, no. 7 (75), pp. 250-256. (In Russian).
16. Shvedova N.Y. Teoreticheskiye rezul'taty, poluchennyye v rabote nad «Russkim semanticheskim slovarom» [Theoretical results obtained in the work on the “Russian Semantic Dictionary”]. *Voprosy yazykoznaneya – Topics in the Study of Language*, 1999, no. 1, pp. 3-16. (In Russian).
17. Budagov R.A. K probleme ustoychivyykh i podvizhnykh elementov v leksike [On the problem of stable and mobile elements in vocabulary]. *Izvestiya AN SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka – Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Department*, 1951, vol. 10, no. 2, pp. 105-115.
18. Gak V.G. K dialektike semanticheskikh otnosheniy v yazyke [On the dialectic of semantic relations in language]. *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Principles and Methods of Semantic Research]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 73-91. (In Russian).
19. Moskvich V.A. Iz polesskoy terminologii tsvetooboznacheniy [From Polissya terminology of color designations]. *Poles'ye* [Woodlands]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 126-161. (In Russian).
20. Makovskiy M.M. *Lingvisticheskaya genetika: Problemy ontogeneza slova v indoevropeyskikh yazykakh* [Linguistic Genetics: Problems of Word Ontogeny in Indo-European Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1992, 189 p. (In Russian).
21. Ivanov V.V., Trubachev O.N. Fedot Petrovich Filin (1908–1982) [Fedot Petrovich Filin (1908–1982)]. *Voprosy yazykoznaneya – Topics in the Study of Language*, 1982, no. 4, pp. 3-9. (In Russian).
22. Kezina S.V. *Semanticheskoye pole tsvetooboznacheniy v russkom yazyke (diakhronicheskiy aspekt)* [Semantic Field of Colour Terms in Russian (Diachronic Aspect)]. Penza, Penza State University named after V.G. Belinsky, 2008, 304 p. (In Russian).
23. Sadykova I.V. *Oboznachenie krasnogo tsveta v russkom yazyke v istoriko-etimologicheskoy aspekte: avtor. dis. ... kand. filol. nauk* [The Designation of the Red Color in Russian in the Historical and Etymological Aspect. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Tomsk, 2006, 21 p. (In Russian).
24. Kezina S.V. «Krasnoye» i «chernoye»: k voprosu o proiskhozhdenii tsvetooboznacheniy [“Red” and “black”: on the question of the origin of colour designations]. *Tezisy i materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Yazyk v prostranstve i vremeni»* [Theses and Materials of the International scientific Conference “Language in Space and Time”]. Samara, Samara State Pedagogical University Publ., 2002, pt 1, pp. 27-32. (In Russian).

25. Bakhilina N.B. *Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke* [The History of Colour Terms in Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 288 p. (In Russian).

Информация об авторах

Канакина Галина Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» педагогического института им. В.Г. Белинского, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-5759-7579](https://orcid.org/0000-0002-5759-7579), kanakina-kafedra@mail.ru

Вклад в статью: изучение источников, анализ фактического материала, написание части текста, редактирование статьи.

Кезина Светлана Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» педагогического института им. В.Г. Белинского, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-3518-5549](https://orcid.org/0000-0002-3518-5549), Svkezina@gmail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, подбор первичного материала, работа с источниками, написание части текста.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 17.02.2022
Одобрена после рецензирования 23.05.2022
Принята к публикации 24.06.2022

Information about the authors

Galina I. Kanakina, Candidate of Pedagogy, Professor, Head of “Russian Language and Methods of Teaching Russian Language” Department of the V.G. Belinsky Institute of Teacher Education, Penza State University, Penza, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-5759-7579](https://orcid.org/0000-0002-5759-7579), kanakina-kafedra@mail.ru

Contribution: sources study, factual material analysis, manuscript part text drafting, manuscript editing.

Svetlana V. Kezina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of “Russian Language and Methods of Teaching Russian Language” Department of the V.G. Belinsky Institute of Teacher Education, Penza State University, Penza, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-3518-5549](https://orcid.org/0000-0002-3518-5549), Svkezina@gmail.ru

Contribution: study conception, source material acquisition, work with sources, manuscript part text drafting.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 17.02.2022
Approved after reviewing 23.05.2022
Accepted for publication 24.06.2022